

Конференция фольклористов в Варшаве и издание ее материалов — заметное событие в международной научной жизни. Выход в свет комплекта номеров «Литературы Людовой» с этими материалами совпал с десятой годовщиной польского фольклористического журнала. Тем самым, наряду с недавно изданным «Словарем польского фольклора», журнал убедительно демонстрирует возрождение польской фольклористики, понесшей большие потери в годы второй мировой войны.

В. Е. Гусев

НАРОДЫ СССР

У. Х. Шалекенов. *Казахи низовьев Аму-Дарьи (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.)*. Ташкент, 1966, стр. 335.

Рецензируемая монография У. Х. Шалекенова посвящена малоизученной этнографической группе казахов, проживающей в Кара-Калпакской АССР. В ней автор последовательно, по историческим этапам, начиная с XVIII в. прослеживает взаимоотношения приаральских кочевников-казахов с оседло-земледельческими народами, населявшими Хорезмский оазис.

Задача У. Х. Шалекенова — выявить исторические причины формирования тесных экономических и культурно-бытовых взаимосвязей между этими народами и казахским населением, истоки установившихся между ними в многонациональной социалистической Каракалпакии отношений дружбы и всестороннего сотрудничества.

Рецензируемая книга является итогом многолетних исследований автора, проведенных в низовьях Аму-Дарьи во всех районах обитания казахов в Кара-Калпакской АССР. В основу ее положены богатые этнографические материалы, собранные во время экспедиционных исследований, а также не менее интересные и ценные материалы, извлеченные автором из литературных и архивных источников.

Книга имеет вполне определенную научную идейно-политическую направленность; она освещает историю национальных взаимоотношений и пути осуществления ленинской национальной политики в Каракалпакии.

Монография состоит из введения, пяти глав, кратких выводов и библиографии.

В первой главе рассматривается территория расселения приаральских казахов, исследуются причины поселения их в пределах Хивинского ханства. Казахи издавна жили в Приаралье. Низовья Сыр-Дарьи, Кувандарья, Жанадарья, Кызылкумы и плато Устьюрт, граничившие с северо-восточными и северо-западными территориями Хивинского ханства, отличались природными условиями, очень благоприятными для кочевого скотоводства. Далее автор освещает политические события; он показывает, как в результате наступательной политики хивинских ханов в XIX в. многие казахские племена Младшего жуза были ими покорены и расселены на территории Хивинского ханства.

Автор правильно отмечает, что после присоединения правобережья Аму-Дарьи к России трудящиеся узбеки, каракалпаки, казахи, туркмены и другие народы приобщились к экономике и культуре России и к революционной борьбе против ханов и царизма. Во второй главе рассматривается тип хозяйства казахов низовьев Аму-Дарьи. Большая часть этой главы характеризует постепенное изменение хозяйства и образа жизни кочевников-казахов в новой естественно-географической и этнографической среде оседлых и полuosедлых народов после их переселения в пределы Хивинского ханства. По данным автора, узбеки и каракалпаки передали казахскому населению свой богатый опыт ведения земледельческого хозяйства, основанного на искусственном орошении. Однако, как отмечает У. Х. Шалекенов, в дореволюционный период земледелие у казахов низовьев Аму-Дарьи сочеталось с кочевым и полукочевым скотоводством. Автор говорит и о том, что казахи еще задолго до присоединения к России занимались рыболовством в низовьях Сыр-Дарьи и на Аральском море; впоследствии, под влиянием русских рыбопромышленников этот промысел получил значительное развитие.

Достаточное внимание уделено в работе различным домашним промыслам, ремеслам и торговле, которые имели немаловажное значение в хозяйстве и жизни казахов.

Таким образом, до победы Великой Октябрьской социалистической революции у казахов исследуемой территории экстенсивное земледелие сочеталось со скотоводством, рыболовством, ремеслом, торговлей и различными промыслами, но в целом экономическая эффективность хозяйства оставалась крайне низкой.

В третьей главе автор на основании многочисленных источников и материалов исследует степень участия казахов, как и других народов Советской Каракалпакии, в создании и развитии социалистической промышленности, сельского хозяйства и культуры. В этой связи очень важными являются собранные и использованные им полевые и архивные материалы, которые дают ясное представление о современном состоянии экономики и об уровне культуры народов Каракалпакии.

Особый интерес представляет четвертая глава, посвященная характеристике материальной культуры и семейно-брачных отношений казахов низовьев Аму-Дарьи. На основе большого фактического материала У. Х. Шалекенов рассматривает историю поселений и жилищ казахов исследуемой территории. Казахи-кочевники жили небольшими родовыми аулами, в войлочных юртах. Осевшие казахские феодалы, по примеру каракалпаков и узбеков, строили себе укрепленные усадьбы и крепости — «кала»; руины некоторых из них сохранились по сей день. После присоединения территории Каракалпакии к России, в результате прекращения набегов со стороны воинственных туркменских племен, усиливается процесс оседания казахов и отпадает необходимость в строительстве укреплений.

Распространяются разные виды оседлого жилища. Казахи стали строить не только землянки и примитивные камышевые и глинобитные жилища, но и дома узбекского типа. Хорошо описана в книге традиционная казахская юрта; автор прослеживает все особенности ее у казахов низовьев Аму-Дарьи, в том числе некоторые черты, сложившиеся под влиянием соседних туркмен и каракалпаков.

Победа Октябрьской революции, коллективизация сельского хозяйства окончательно ликвидировали социально-экономическое неравенство среди казахов Каракалпакии. Вместо разбросанных зимовок в годы Советской власти появились крупные колхозные и совхозные поселки с современными благоустроенными жилыми и общественными постройками. С большой тщательностью излагая процесс преобразования культуры казахского аула, автор не забывает и о трудностях, за преодоление которых пришлось немало бороться советским людям.

Формы традиционной национальной одежды казахов низовьев Аму-Дарьи были обусловлены в основном их кочевым скотоводческим бытом и господствовавшим натуральным хозяйством. В результате постоянного общения с оседлыми народами (каракалпаками, узбеками, туркменами) этого района, как утверждает автор, произошли изменения и в комплексе национальной одежды казахов. Последующие изменения в одежде были непосредственно связаны с усилением влияния российского рынка; фабричная ткань постепенно вытесняла из быта казахов домотканый материал. Появились новые виды одежды. Иным стал и покрой одежды казахов. В годы Советской власти казахская национальная одежда снова подвергается сильным изменениям. Этот раздел главы иллюстрирован чертежами и рисунками.

Автор рассматривает также в этой главе пищу казахов низовьев Аму-Дарьи и приходит к выводу, что она стала во многом сходной с пищей оседлых земледельцев: мясо-молочные блюда в быту амударьинских казахов отошли на второй план, уступая место различным растительным видам пищи. Отмечается, например, что казахи низовьев Аму-Дарьи не изготавливают традиционной колбасы из конины — «казы» и не готовят из кобыльего молока кумыс (стр. 237). У. Х. Шалекенов правильно отмечает также, что прежние кожаные, войлочные и деревянные виды утвари, удобные для кочевой жизни, постепенно стали заменяться гончарной посудой, а с приходом русских у казахского населения широко распространилась фарфоровая и металлическая посуда. В настоящее время прежняя утварь казахов уже почти не встречается.

Таким образом, на основе богатого этнографического материала исследователь воссоздает прошлый и характеризует современный быт казахов, сопоставляя его с бытом каракалпаков, узбеков и туркмен.

В этой же главе значительное место уделяется вопросам семьи и брака у казахов, рассматриваются права и обязанности членов патриархально-феодальной семьи, где власть отца и мужа была неограниченной. Бесправное положение женщин-казашек в семье, калым, формы брака и семьи, многоженство, вопросы экзогамии, рождение и воспитание детей и связанные с этим обряды и народные обычаи, влияние ислама на семейный быт в прошлом и другие стороны жизни казахов получили в основном правдивую, хотя и очень краткую характеристику.

Автор рассматривает также вопрос о раскрепощении женщины и важные преобразования в семейно-брачных отношениях казахов после победы Великого Октября.

Последняя, пятая глава посвящена духовной культуре казахов, отличавшейся раньше крайней отсталостью. Ислам, по данным У. Х. Шалекенова, гораздо сильнее распространялся у осевших казахов низовьев Аму-Дарьи, чем у кочевых. В XIX — начале XX в. казахское население, по примеру своих узбекских и каракалпакских соседей, среди которых ислам укоренился намного раньше и прочнее, стало интенсивно строить мечети, медресе и мектебы. Окончившие мектебы могли поступить в высшие духовные учебные заведения — медресе, которые являлись очагами средневековой реакционной идеологии. Выпускники медресе назначались на различные духовные должности — муфтиев, казиев, ахунов и т. д., но не всем детям удавалось учиться даже в мектебах, так как для большинства казахского населения плата за обучение была не под силу.

Автор книги правильно освещает политику царизма, тормозившего развитие народного образования в Туркестанском крае. Во второй части главы, на основе архивных данных подробно рассматриваются мероприятия Коммунистической партии и Советской власти, направленные на ликвидацию неграмотности, развитие сети школ,

техникумов, высших учебных заведений, научных и культурных учреждений: хорошо показаны все те достижения в области культуры, науки, искусства, которые обеспечила народам Каракалпакии социалистическая революция.

В целом, монография У. Х. Шалекенова заслуживает высокой оценки. В ней впервые вводится в научный оборот много нового исторического, экономического и этнографического материала.

Следует отметить, однако, что книга не лишена и некоторых недостатков. На наш взгляд, работа охватывает слишком большой круг вопросов политической истории, слишком много тем историко-этнографического порядка; поэтому автор не имел возможности для достаточно глубокого анализа отдельных явлений народной жизни как прошлой, так и современной. Это относится, в частности, к разделам, посвященным семейному быту и духовной культуре. В последней главе за счет других тем, касающихся духовной культуры, чрезмерно большое место уделено вопросам народного образования.

Встречаются в книге также мелкие этнографические неточности. Вот некоторые из них: автор отмечает, что из бараньей шкуры (овчины) казахи изготавливают головные уборы кулакшин (стр. 230) и шьют женские шубы «ишик» (стр. 233). Между тем эти вещи изготавливаются из мерлушки (елтири) или же из шкуры четырехмесячного, еще ни разу не стриженного ягненка (марка); эти шкурки называются «сенсен». Шкуры же взрослых овец, неоднократно подвергавшихся стрижке, используются в казахском быту только для изготовления тулупов — «тон».

Казахское национальное блюдо «ет» (мясо по-казахски) У. Х. Шалекенов называет «бешмармаком» (стр. 236); видимо, он не задумался над происхождением этого названия, не являющегося казахским термином.

Причину отсутствия кумыса у казахов исследуемой территории автор объясняет тем, что «в дельтовых районах нет условий для стойлового содержания кобыл» (стр. 237). Всем известно, что кумысный сезон падает на три летних месяца (июнь, июль и август), когда не требуется стойлового содержания дойных кобыл. Другое дело, что в силу природно-климатических условий данного района вообще невозможно было здесь разводиться лошадям. В другом разделе книги У. Х. Шалекенов пишет, что «старуха не давала роженице лежать в удобном положении, а обвязывала ее веревкой и подтягивала вверх так, чтобы она стояла на коленях. В результате роженицы часто умирали» (стр. 241). Тут автор снова допускает неточность: во-первых, роженицу никогда не «обвязывали» и не «подтягивали вверх», а натягивали в юрте или комнате веревку, чтобы роженица, опираясь на нее грудью, могла стоять на коленях: во-вторых, не потому, что не давали роженицам лежать в удобном положении, они часто умирали, действительно причиной этого были другие явления, главным образом антисанитария и отсутствие медицинской помощи при трудных родах.

В день приезда невесты в дом жениха, по народному обычаю, не бахсы знакомит ее с родственниками жениха, как это говорит автор (стр. 247), а рядовой смекалистый джигит, знающий церемониал «беташара». Присутствие при этом бахсы было даже нежелательным.

По случаю рождения ребенка, пишет автор, состоятельные родители приглашали своих односельчан и близких на «той» с щедрым угощением. Этот вечер назывался «шилдекана» (стр. 248). Однако это не совсем верно: на шилдекана собирались не по приглашению, а по своей воле; это не был «той», и поэтому не только состоятельные родители, а все без исключения принимали гостей, явившихся на шилдекана, согласно древним народным обычаям. Шилдекана длился всю ночь, а иногда — до трех ночей, и смысл его заключался в том, чтобы уберечь новорожденного от злых духов. Настоящий «той» по случаю новорожденного обычно устраивался после шилдекана, притом только днем. «Той» действительно сопровождался обильным угощением, различными видами игр, борьбой и даже конными состязаниями. На «той» обычно заранее приглашали не только односельчан, но и жителей соседних аулов.

К замечаниям более общего характера следует отнести то, что автор, на наш взгляд, недостаточно внимания уделил общеказахстанской этнографической литературе, появившейся в последние годы.

В библиографии книги встречаются неточности. Для такой крупной монографии историко-этнографического плана явно недостаточно иллюстрационного материала.

Однако эти недостатки несколько не снижают высокой оценки книги. В целом монография У. Х. Шалекенова безусловно заслуживает одобрения и является весомым вкладом в этнографическую науку. Эта книга будет полезным литературным источником для специалистов других общественных наук.

Х. Аргынбаев, Е. Дильмухамедов